

СОЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ВЯТСКОЙ ДЕРЕВНЕ В 1920-Е ГГ.

Чемоданов И. В.

ФГБОУ ВПО «Вятский государственный университет», 610000, г. Киров, ул. Московская, 39, учебный корпус № 2, к. 103; e-mail: kaf_vseob_istoria@vyatsu.ru.

В статье рассматриваются тенденции и процессы, связанные с социальной структурой и социальными отношениями в вятской деревне 1920-х гг. Прослеживаются изменения в социальной структуре сельского населения Вятской губернии в годы НЭПа, дается характеристика отдельных социальных категорий крестьянства (бедноты, середнячества, кулачества и батрачества). Анализируется процесс социального расслоения крестьянства в Вятском регионе, раскрывается его специфика. Поднимается проблема критериев социальной стратификации крестьянства. Исследуются общественно-политические настроения различных слоев крестьянства, выявляется отношение сельского населения к аграрной политике Советской власти (налогообложение, социальная поддержка малоимущих и т.д.). Раскрывается роль зажиточного крестьянства в увеличении сельскохозяйственного производства, определяется степень развития капиталистических отношений, оцениваются перспективы модернизации аграрного сектора за счет укрепления кулацких хозяйств.

Ключевые слова: крестьянство, беднота, середнячество, кулачество, батрачество, Вятский регион, социальное расслоение, налогообложение, кооперация.

THE SOCIAL SITUATION IN VYATKA COUNTRYSIDE IN THE 1920 S.

Chemodanov I. V.

Vyatka State University

The tendencies and processes of the social structure and social relations in Vyatka countryside in the 1920s are observed in the article. Changes in the social structure of Vyatka province rural population in the years of NEP, separate social categories of the peasantry (poor peasants, middle peasants, kulaks and farm labourers) are characterized. The process of social differentiation of peasantry in Vyatka region and peculiarities of this process are revealed in the article. The problem of social stratification criteria is actualized. The social-politic moods among different groups of peasantry, rural population attitude to Soviet power agrarian politics (taxing, social assistance for low-income groups etc.) are investigated. The role of the rich peasants in development of agricultural productions, level of capitalist relations, perspectives of agricultural modernizations due to kulak farms strengthening are revealed in this article.

Key words: Peasantry, poor peasants, middle peasants, kulaks, farm labourers, Vyatka region, social differentiation, taxing, cooperation.

Проблемы, связанные с жизнью и хозяйственной деятельностью крестьянства в условиях перехода от традиционного к индустриальному обществу, еще долго будут привлекать внимание ученых-исследователей, в том числе и историков. Особую актуальность подобного рода проблемы обретают сегодня, когда в стране и мире происходят крупные модернизационные сдвиги. Цель данного исследования – воссоздание комплексной и многоплановой картины социальной структуры и социальных отношений в вятской деревне 1920-х гг. в контексте реализации новой экономической политики. В процессе исследования использовался целый комплекс источников: архивные материалы, опубликованные документы, центральная и местная периодическая печать и т.д. Применялись общенаучные методы исследования: системный и исторический. Широко применялся нами также сравнительный метод эмпирического изучения. Он дал возможность путем широкого сопоставления фактов, исторического анализа текстов, документов,

статистических данных сформулировать главные выводы и обобщения. Результаты исследования позволяют выявить в развитии вятского крестьянства 1920-х годов как общероссийские тенденции, так и местную специфику.

Вследствие развития рыночных отношений социальная структура вятской деревни 1920-х гг. претерпевала значительные изменения. Если в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» доминировала социальная нивелировка, «осереднячивание» деревни, то в период НЭПа возобновился процесс социальной дифференциации крестьянства, которая означала увеличение удельного веса крайних групп. Об этом свидетельствуют данные таблиц [3; Л. 32; 10; С. 81–83].

Обеспеченность вятских крестьян рабочим скотом (%%)

Группы по лошадности	1917 г.	1920 г.	1922 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Безлошадные	16,2	15,0	35,7	24,0	21,9	18,2	18,6
С 1 лошастью	65,3	77,9	60,4	71,2	71,3	73,1	72,9
С 2 и более лошадьми	18,5	7,1	3,9	4,8	6,8	7,2	8,5

Обеспеченность вятских крестьян продуктивным скотом (%%)

Группы по коровности	1917 г.	1920 г.	1922 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Бескоровные	8,9	5,5	20,5	13,8	8,9	6,9	8,6
С 1–2 коровами	71,3	90,8	78,4	82,0	84,1	83,8	81,5
С 3 и более коровами	19,8	3,7	1,1	4,2	7,0	9,3	9,9

В социальной динамике вятской деревни 1920-х годов прослеживаются те же тенденции, которые были характерны для советского крестьянства в целом. В начале 1920-х годов, вследствие природных, экономических и социально-политических катаклизмов, наблюдался общий упадок крестьянского хозяйства и, соответственно, – увеличение числа маломощных хозяйств (за счет сокращения средних и высших слоев). Однако с середины 1920-х гг. в СССР и Вятской губернии, по мере укрепления основ НЭПа в деревне, намечается прямо противоположная тенденция. Происходит перемещение крестьян в высшие группы при сокращении числа маломощных хозяйств. За период с 1922 по 1926 г. доля безлошадных хозяйств сократилась с 35,7 до 18,2 %, а бескоровных – с 20,5 до 6,9 %. Сказывалось благотворное влияние социально-экономических преобразований: допущение рыночных отношений, некоторое увеличение государственного финансирования, развитие кооперации и т.д.

В Вятской губернии процесс социального расслоения крестьянства был выражен относительно слабо. Если в 1927 г. рабочего скота не имели 28,3 %, а продуктивного – 18,2

% крестьянских хозяйств РСФСР, то по Вятской губернии удельный вес безлошадных и бескоровных хозяйств был существенно ниже (18,6 и 8,6 %) [7; С. 81]. Наряду с социальной дифференциацией, с середины 1920-х годов наблюдался общий подъем благосостояния деревни, что выражалось в возрастании удельного веса высших групп крестьянства – середняков и зажиточных. Аналогичные процессы происходили и в соседних регионах, например, на территории Опаринского района Северо-Двинской губернии, где среди крестьянского населения велика была доля эстонцев и латышей, переселившихся сюда из Прибалтики в годы Столыпинской аграрной реформы.

Однако после злополучного неурожая яровых 1926 г. социальное расслоение крестьянства вновь приобретает тот «классический» вид, который оно имело до революции: повышение удельного веса крайних групп сопровождалось сокращением средних слоев. В отличие от первых лет НЭПа, когда общее ухудшение материального положения крестьянства сопровождалось сокращением числа зажиточных хозяйств (испытывших частичную экспроприацию в период «военного коммунизма»), стихийные бедствия, обрушившиеся на вятское крестьянство в середине 1920-х гг., если не ускорили, то, по крайней мере, сколько-нибудь серьезно не затормозили рост его зажиточной верхушки. Напротив, оскудение части крестьянских хозяйств создавало благодатную почву для кулацкой эксплуатации. Вятское кулачество, экономически окрепнув в течение ряда предшествующих, относительно благополучных лет, смогло не только выстоять в условиях неурожая, но и увеличить свои доходы, воспользовавшись бедственным положением своих односельчан.

Наиболее удачной представляется группировка крестьянских хозяйств, которую приводит П. Быков: наряду с количеством скота, им учитываются и такие важные показатели, как число едоков и размер дохода. По мнению автора, к бедняцкой группе следует относить «все бесскотные хозяйства, доход которых не превышает 250 руб. на хозяйство или 60 руб. на едока; односкотные хозяйства, доход которых не превышает 200 руб. на хозяйство или 40 руб. на едока, и двухскотные хозяйства, доход которых не превышает 150 руб. на хозяйство или 20 руб. на едока». В 1928 г. по губернии насчитывалось 109 600 таких хозяйств, что составляло 27,75 % от общего их количества.

Средняцких хозяйств насчитывалось 271 605 (68,7 %). В состав «кулацкой группы» Быков включает все хозяйства, обладающие хотя бы одним из указанных признаков: а) промышленные предприятия; б) патенты на торговлю (все занимающиеся торговлей, исключая инвалидов); в) хозяйства, не подпадающие под действие временных правил найма рабочей силы в сельском хозяйстве; г) имеющие наемных рабочих, не менее трех батраков или батрачек в течение целого сезона, и арендующие землю с применением найма рабочей

силы. Крестьянских хозяйств, которые соответствовали этим признакам, в губернии насчитывалось 3,55 % (что, в общем, сопоставимо с общесоюзными показателями) [1; С. 33].

Хотя высшее партийно-государственное руководство и рассматривало трудовое крестьянство в качестве своего союзника, однако, как показывают данные по Вятской губернии, отношение крестьян к Советской власти и ее политике в деревне было весьма неоднозначным. Из высказываний участников бедняцких собраний явствует, что немалая часть бедняков относилась к партии вполне положительно, возлагая на нее большие надежды как на своего «естественного» защитника в борьбе с эксплуататорскими устремлениями кулачества: «Если нас партия не защитит и не нажмет на кулака, то последние нас зажмут»; «Мы должны выбрать одно из двух: или кулак, или партия, но мы убеждены, что партия вырвет нас из рук кулаков». Однако среди другой части бедняков преобладали пессимистические, упаднические настроения, неверие в результативность аграрных преобразований Советской власти и возможность избавления от кулацкой кабалы: «Мы были бедняками, бедняками и останемся»; «Все равно беднота ничего не сможет сделать с богачами» [6; Л. 83]. Имели место и откровенно иждивенческие тенденции: «Советская власть должна дать хлеба, нам не на что купить товаров, их нужно дать» [5; Л. 3].

В Вятской губернии 1920-х гг. особенно ярко проявился процесс так называемого «осереднячивания» деревни. Удельный вес середняка в общей массе крестьянства составлял здесь 68,7 %, тогда как в целом по СССР – менее 63 %. Типичный середняк имел одну лошадь, 1–2 коровы, несколько голов мелкого скота, от 2 до 8 дес. посева, «исправные постройки и сельхозинвентарь» [2; Л. 181]. Неотъемлемой составляющей крестьянского сознания тех лет являлась своего рода «ревность» по отношению к жителям города, в первую очередь – к рабочим, которые в глазах сельского населения пользовались особой заботой Советской власти и потому жили намного лучше крестьян, хотя работали, по крестьянским меркам, значительно меньше. В целом, отношение основной массы крестьянства к власти было двойственным. С одной стороны, центральная власть, понимаемая довольно абстрактно, воспринималась крестьянами как заступница и защитница интересов простого народа. С другой стороны, объектом весьма острой критики выступала местная власть в лице конкретных руководителей, практическая деятельность которых непосредственно затрагивала интересы крестьянства. Подобное отношение к власти ярко выражено в словах крестьянина Красавской волости Сергея Константиновича Буркова: «Всем хороша Советская власть, но иногда отдельные ее проводники на местах бывают ни к черту не годные» [4; Л. 12].

Переходя к характеристике кулачества, заметим, что в общественном сознании тех лет богатые крестьяне обычно подразделялись на собственно «кулаков» и так называемых

«зажиточных». Последние определялись, как правило, на основании чисто количественных, имущественных показателей. Судя по отзывам крестьян Яранского уезда, к числу зажиточных относились хозяйства, состоящие из 3–5 чел., если в них имелось не менее одной лошади, одна корова, а также «шикарные постройки, выезд, одежда, промышленное предприятие». Приводились и иные примеры зажиточных хозяйств. Вот одна из подобных характеристик: состав семьи – 10–15 чел., 2–3 лошади и коровы и не менее 10 голов молодняка или же «1 лошадь, 2–3 коровы, 20–25 голов мелкого скота, кузница, или мельница, или маслозавод, хорошие постройки, хорошая праздничная одежда, упряжь, санки, тарантас и хороший сельхозинвентарь и более этого» [2; Л. 148, 181]. Как видим, представления крестьян о зажиточности во многом носили субъективный характер и сильно варьировали в зависимости от местных условий. Кулаками же в Вятской губернии (как, впрочем, и в целом по стране) крестьянство признавало только тех односельчан, которые систематически и в размерах, значительно превышающих обычную практику, использовали для ведения своего хозяйства наемный труд и прибегали к кабальным ростовщическим сделкам.

Одним из главных итогов НЭПа в деревне стало распространение наемного труда. В конце 1925 г. в губернии насчитывалось 11 тыс. батраков. В дальнейшем число их растет. Так, по данным сельсоветов, в августе 1926 г. по губернии числилось 22 766 наемных рабочих всех категорий (не считая поденных), в том числе 17 567 – в крестьянских хозяйствах. Спустя год количество наемных рабочих (годовых, сроковых и помесячных) составляло уже свыше 27 тыс., в том числе 20 418 – в единоличных хозяйствах. Доля хозяйств, прибегающих к найму постоянных рабочих, за год увеличилась с 4,3 до 4,9 %. В то же время имело место как относительное, так и абсолютное сокращение той категории наемных работников, которая непосредственно была задействована в сфере сельскохозяйственного производства. Если в 1926 г. они составляли 12 886 или 73,35 % от общего количества рабочих в крестьянских хозяйствах, то в 1927 г. – 10 157, т.е. всего 49,75 %. Это было обусловлено следующими факторами. Во-первых, для значительной части кулаков, широко осуществляющих торгово-ростовщические операции, сельскохозяйственное производство не являлось основным источником дохода. Во-вторых, распространение машин снижало спрос на труд постоянных сельхозрабочих [2; Л. 143 об.].

О социальном статусе батраков имеются следующие данные. На 1 сентября 1925 г. не имели хозяйства 35,6 % учтенных батраков, 48,9 % – вели хозяйство «совместно с родственниками» и 15,5 % – имели собственное хозяйство. К августу 1927 г. картина несколько изменилась. Шел процесс пролетаризации батрачества. Теперь лица, не имеющие

«никакого хозяйства», составляли 37,1 % (свыше 10 тыс.) батраков, имеющие хозяйство «совместно с родственниками» – 50,6 % и имеющие свое хозяйство – 12,3 %.

В целом, однако, для вятской деревни 1920-х гг. было характерно относительно слабое развитие аграрного капитализма. Если в целом по стране собственно пролетарская часть составляла 50–70 % всех батраков, то в Вятской губернии удельный вес этой группы едва превышал одну треть. В то время как в СССР поденные рабочие составляли всего около 30 % батраков, то на Вятке чаще преобладал как раз поденный наем. Так, по данным выборочного обследования (1926 г.), из 601 хозяйства к поденному найму прибегало 219 дворов (в основном – в качестве отработок), а к постоянному – лишь 13. Суровые почвенно-климатические условия края и, соответственно, высокий уровень издержек производства в сочетании со слабым государственным финансированием делали весьма затруднительным организацию в сельском хозяйстве Вятской губернии рентабельного капиталистического сектора. В этой ситуации представители зажиточных слоев деревни искали более прибыльные сферы приложения капитала, нежели организация сельскохозяйственного производства.

Материалы по Вятской губернии дают основание подвергнуть более чем серьезной корректировке широко распространенное в перестроечной и постперестроечной литературе мнение о кулаках как о наиболее «культурных», «справных» хозяевах, ибо производственная активность сельских предпринимателей была весьма слабой. Основным источником дохода для значительной части кулаков выступала не столько организация фермерского хозяйства с применением передовой агрикультуры, агротехники и наемного труда сельского пролетариата, сколько некапиталистические, по сути, формы эксплуатации (спекуляция, сдача в аренду земли и сельхозинвентаря, ростовщический кредит и т.п.). Дополнительным средством обогащения и эффективным рычагом давления на односельчан являлось для кулаков участие их представителей в местных Советах, партийных ячейках, кооперативных и общественных организациях. Благодаря этому часть средств, направляемая на поддержку бедняцких и середняцких хозяйств по линии земорганов и кооперации, незаконно присваивалась кулачеством и пускалась затем на непроизводительные цели, что также отрицательно сказывалось на развитии аграрного сектора. В свете сказанного, перспектива модернизации сельскохозяйственного производства Вятской губернии за счет укрепления зажиточных слоев крестьянства представляется весьма проблематичной.

С середины 1920-х годов руководством страны стала осуществляться политика под лозунгом «Лицом к деревне»: проводились кампании по укреплению революционной законности, проверка сельских партячеек, отстранение от должности наиболее одиозных советских и партийных работников и пр. В конце декабря 1924 г. состоялась XV губернская

конференция РКП(б), которая по вопросу о работе в деревне выдвинула следующие задачи: оживить деятельность местных Советов, шире привлечь крестьян к государственному управлению, создать вокруг коммунистов беспартийный крестьянский актив и пр. Однако эти решения во многом остались на бумаге. В силу неудовлетворительных условий транспорта и связи, контроль губернских и уездных властей за деятельностью местных партийных и советских органов был крайне слабым, что создавало почву для многочисленных злоупотреблений со стороны местных руководителей. Недовольство крестьян вызывала не столько сама аграрная политика Советской власти, сколько многочисленные искажения ее на местах (принудительное размещение госзаймов, предоставление льгот и кредитов зажиточным хозяйствам, переобложение налогом бедноты и пр.).

Таким образом, социальная структура крестьянства Вятской губернии 1920-х годов претерпевала существенные изменения. Если в первые годы НЭПа наблюдался общий упадок крестьянского хозяйства, обусловленный природными и социально-политическими катаклизмами, и, как следствие, – увеличение числа маломощных хозяйств, то с 1924 г. наметилось увеличение высших групп крестьянства (средняков и зажиточных). Особенностью социального расслоения крестьянства в годы НЭПа (по сравнению с дореволюционным периодом) являлось размывание не середняцкой, а бедняцкой группы. Наряду с социальной дифференциацией, наблюдался также общий подъем благосостояния крестьянства. Для вятской деревни 1920-х гг. было характерно относительно слабое развитие аграрного капитализма. Процесс пролетаризации бедняцких хозяйств в Вятской губернии проходил более медленно, что обостряло относительное аграрное перенаселение. Несмотря на некоторое повышение роли наемного труда в сельском хозяйстве, основную массу батраков составлял не сельский пролетариат, а маломощные крестьяне, которые трудились в кулацких хозяйствах на условиях отработок. Преобладал поденный наем. Одной из причин слабого развития наемного труда являлась сравнительно невысокая производственная активность предпринимательских слоев деревни, и, соответственно, малый спрос на рабочую силу. Из-за не вполне благоприятных для ведения земледельческого хозяйства природных условий края, кулацкий капитал функционировал, в основном, в непродуцированной сфере. «Извращения», «злоупотребления» и «перегибы» со стороны местных руководителей, чьи действия часто были обусловлены сращиванием последних с кулачеством, способствовали дискредитации аграрной политики Советской власти в глазах трудового крестьянства.

Список литературы

1. Быков П. О распределении крестьянских хозяйств по социальным группам (В порядке постановки вопроса) // Спутник большевика. – 1928. – № 5.
2. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-1062. Оп. 1. Д. 2619.
3. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-1. Оп. 3. Д. 177.
4. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-7. Оп. 1. Д. 79.
5. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-10. Оп. 1. Д. 887.
6. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. П-12. Оп. 11. Д. 9.
7. Рясенцев А. О. Сельское хозяйство Вятской губернии к десятой годовщине Октябрьской революции // Вятско-Ветлужский край. – 1927. – № 10.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Этнокультурное наследие столыпинских переселенцев (латышей, эстонцев) в Вятском крае»), проект № 12-11-43600.

Рецензенты:

Трушкова Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Вятского государственного университета, г. Киров.

Бакулин Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров.